

24. Общий обзор

Революция, стихийно вспыхнувшая вслед за подавлением военного мятежа более чем на половине территории Испании, поставила перед анархистами первую проблему из тех, с которыми им пришлось столкнуться во время Гражданской войны. Они могли полностью захватить власть в Каталонии и Арагоне и, возможно, в некоторых других частях лоялистской зоны. Но они не могли выиграть Гражданскую войну в одиночку.

Предложение установить «анархическую диктатуру» было отклонено в Каталонии, а следовательно, и в остальной Республике. Им необходимо было сотрудничать с социалистами, коммунистами, ПОУМ, республиканскими партиями и Всеобщим союзом трудящихся (ВСТ), чтобы победить Франко. Поэтому анархисты приняли фундаментальное решение разделить власть, которое стало первым компромиссом в отношении основных принципов их философии.

Тем не менее анархистам в значительной степени удалось установить контроль над городской экономикой лоялистской Испании, особенно в Каталонии. То же произошло в сельской экономике той части Арагона, которую их войска отвоевали у мятежных сил. В других регионах, прежде всего в Леванте и Астурии, они сотрудничали с левыми социалистами, осуществляя контроль над экономикой и местной администрацией.

В первые недели после начала Гражданской войны анархисты столкнулись ещё с одной большой проблемой, с необходимостью пересмотреть свой фундаментальный принцип – отрицание участия в любом создаваемом правительстве. Конечно, с момента подавления мятежа в лоялистской Испании анархисты участвовали в органах власти, де-факто созданных на местном и региональном уровне. Но они могли сказать, что это – революционные учреждения, которые в действительности передают власть в руки рабочих и крестьян и помогают проложить путь к либертарному коммунизму.

Участие анархистов в официальных местных, региональных органах и, в конечном счёте, национальном правительстве являлось чем-то новым. Тем не менее через два с небольшим месяца после начала войны они согласились войти в правительство Каталонии и положить конец режиму Совета милиции, де-факто установленному 21 июля. Спустя полтора месяца они также согласились войти в республиканское правительство премьер-министра Франсиско Ларго Кабальеро, где они оставались в течение семи с половиной месяцев. Даже после того, как их исключили из национального и каталонского правительств, они продолжали отстаивать своё право на участие и отчасти добились этого в апреле 1938 г., когда астурийский лидер НКТ Сегундо Бланко стал министром образования в кабинете премьер-министра Хуана Негрина.

На местном уровне анархисты также участвовали в деятельности законных органов власти. Они занимали должности алькальдов (мэров) в таких городах, как Валенсия и Хихон, а

также членов муниципальных советов во многих городах, посёлках и сёлах.

Советское вмешательство в Гражданскую войну

Анархисты вскоре столкнулись с ещё более серьёзной проблемой – стремительным усилением власти сталинистов. Коммунисты вначале были немногочисленной партией в коалиции, поддерживавшей Республику в Гражданской войне. Но, благодаря их дисциплине, готовности принять логику войны и обращению к антиреволюционным элементам в республиканском лагере, их влияние быстро стало расти.

Однако решающим фактором возвышения сталинистов в лоялистской Испании стало то обстоятельство, что сталинский Советский Союз был единственной державой, оказывавшей материальную помощь Республике во время Гражданской войны. Мексика была ещё одной страной, которая открыто поддержала лоялистские силы и по мере возможности была готова помочь им в приобретении оружия. Однако есть указания на то, что лоялистское правительство не воспользовалось преимуществом, которое оно могло получить, используя Мексику в качестве канала для получения оружия.

Гордон Ордас, испанский посол в Мексике в начале Гражданской войны (и годы спустя председатель республиканского правительства в изгнании), подтвердил, что в первые месяцы войны он получал конкретные предложения о поставках оружия от фирм Соединённых Штатов, Канады и Японии, но когда он передавал эти предложения республиканскому правительству, он либо не получал ответа, либо на это отказывались выделить деньги. В эти предложения входили бомбардировщики, гидросамолёты, пулемёты, винтовки и прочее вооружение¹. Андрес Суарес предполагает, что отказ правительства Ларго Кабальеро от предложений, переданных послом, объяснялся тем фактом, что в это были вовлечены министры Хулио Альварес дель Вайо и Хуан Негрин, попутчики сталинистов, которые не стремились к тому, чтобы Республика перестала зависеть от СССР как зарубежного источника оружия².

Западные демократии начали разыгрывать позорный фарс невмешательства меньше чем через месяц после начала Гражданской войны. Формально провозглашённая правительством Народного фронта во Франции, во главе с социалистом Леоном Блюмом, политика невмешательства, вне всякого сомнения, проводилась в интересах консервативного правительства Великобритании премьер-министра Стэнли Болдуина и при попустительстве СССР.

Можно было ожидать, и имеются некоторые указания на это, что французское правительство Народного фронта готово было помочь своим испанским коллегам. Э. Х. Карр отмечает: «Хираль обратил взор к Парижу. Он сделал звонок Блюму 20 июля 1936 г., прося помощи в получении оружия и самолётов из Франции, и получил сочувственный ответ»³.

Хулиан Горкин записал беседу, состоявшуюся у него в то время с Жюлем Моком, лидером социалистов, который тогда был государственным субсекретарём в правительстве Блюма. Мок сказал Горкину:

“ «Мы убеждены в том, что наше вмешательство в испанский конфликт вызовет войну с Германией. И при каких условиях? Нас оставили в изоляции. Французское правительство поинтересовалось у англичан и русских, каким будет их отношение в случае, если мы окажем правительству Мадрида действительную помощь. Лондон ответил: “Британское правительство рассматривает фашистов и коммунистов как своих врагов. Если в какой-либо стране они ведут войну друг с другом, мы оставляем их на произвол судьбы. Мы не станем вмешиваться”. Ответ Москвы был ещё более пронизательным. Вкратце он гласил: “Франко-советский пакт 1935 года обязывает нас оказать помощь в случае, если одна из наших стран подвергнется нападению третьей державы, но не в случае войны, вызванной вмешательством одной из наших стран в дела третьей”»4.

Следуя соглашению о невмешательстве, практически все страны Европы решили не оказывать помощи ни одной из сторон в испанской Гражданской войне. Однако нацистское правительство Германии и фашистский режим Италии с самого начала игнорировали соглашение, которое они подписали, и можно не сомневаться в том, что оружие и транспорт, которые они предоставили для переброски марокканских войск и Иностранного легиона Франко в южную Испанию, как и действия германских и итальянских морских и воздушных сил, помешавших лоялистскому флоту сорвать эту переброску, спасли мятежников в первые недели войны, когда они стояли на грани полного поражения⁵.

Великобритания и Франция, со своей стороны, блокировали большинство попыток Республики получить оружие из Западной Европы. Хотя Луис Фишер упоминает, что французский министр авиации Пьер Кот оправил Испанской республике 100 самолётов⁶, правительство Блюма вскоре наложило эмбарго на поставки оружия, которое отнюдь не было полным, но тем не менее оказало значительный эффект. Французское правительство перехватило груз оружия, который каталонцы отправили через Францию, чтобы помочь осаждённым лоялистским силам в Ируне и Сан-Себастьяне (см. главу 8). Правительство Блюма зашло настолько далеко, что арестовало золото, хранившееся на счетах испанского правительства во французских банках⁷. Всё это противоречило договорам между Францией и Испанской республикой, которые, как предполагалось, гарантировали право Республики на получение оружия и даже обязывали Францию помочь Республике в случае мятежа против неё.

Хотя США не участвовали в соглашении о невмешательстве, администрация Рузвельта фактически поддерживала его. Она препятствовала попыткам Республики приобрести оружие в Соединённых Штатах и даже оказывала давление на мексиканское правительство, чтобы предотвратить транзит некоторых материалов, которые Республика могла получить из США через Мексику. В этом вопросе Рузвельт уступил сильному давлению со стороны католической церкви в США, которая на протяжении всей войны рьяно отстаивала дело

Франко8.

Гэбриел Джексон показал, что, несмотря на предполагаемый нейтралитет Соединённых Штатов во время испанской Гражданской войны, крупные американские компании активно поддерживали Франко. Он приводит в качестве примера действия Международной телефонной и телеграфной корпорации, которая предоставила военным выделенные линии связи на последних стадиях заговора, и компании «Тексако», которая в течение войны продавала мятежникам нефть в кредит9.

Советский Союз формально также придерживался пакта о невмешательстве. 28 августа 1936 г. нарком иностранных дел издал распоряжение, которым запрещался «экспорт, реэкспорт или транзит в Испанию всех видов вооружений, боеприпасов, военных материалов, самолётов и кораблей». Это распоряжение повергло в ужас испанских коммунистов, поэтому Пальмиро Тольятти и Жак Дюкло срочно отправились в Испанию, чтобы объяснить ситуацию своим товарищам. Тольятти изложил их аргументы: «СССР должен прежде всего заботиться о своей безопасности. Необдуманные действия могли нарушить равновесие и спровоцировать войну на Востоке»10.

Коммунистическая история Гражданской войны более подробно обосновывала первоначальное присоединение Сталина к невмешательству. Признавая, что оно было официально провозглашено французским правительством Народного фронта и вначале даже принято республиканским правительством Хирала, авторы утверждали:

“ «Таким образом, создались политические условия, в которых категорический отказ СССР от предложения французского правительства мог иметь последствия, неблагоприятные для дела испанского народа...

Фактически, если бы советское правительство в этой ситуации открыто отвергло французское предложение, то это настроило бы против него не только реакционные и фашистские силы, но и социалистические партии и другие влиятельные демократические группы, которые обвинили бы его в том, что оно, во-первых, желает вмешаться в дела Испании даже вопреки позиции испанского республиканского правительства; во-вторых, предоставляет оправдание Гитлеру и Муссолини, помогающим Франко; в-третьих, срывает план, разработанный Леоном Блюмом, чтобы положить конец итало-германской интервенции в Испании...

Также нужно помнить о том, что в 1936 г. в мире существовала лишь одна социалистическая страна – СССР, который находился далеко от Испании... Было недостаточно, чтобы СССР согласился отправлять оружие испанцам, сражающимся с фашизмом. Необходимо было ещё создать минимальные дипломатические и политические условия для того, чтобы это оружие попало в Испанию».

Наконец, авторы доказывали, что, если бы политика невмешательства при участии Советского Союза возымела действие, это «создало бы новую ситуацию с двумя

возможными исходами: первый – отступление фашистских диктаторов... и второй – возвращение спустя весьма непродолжительный срок Испанской республике её права на приобретение оружия». В любом случае, заключали они, советское участие разоблечило «истинные намерения Англии и Франции, предложивших политику “невмешательства”»¹¹.

Испанские коммунисты не сообщили о том, насколько усердно СССР в начале Гражданской войны соблюдал принцип невмешательства. Много лет спустя республиканец Клаудио Санчес-Альборнос в издании «Indice» от 1 ноября 1972 г. писал: «Новости о русской помощи. Мы слышали от Гордона Ордаса в Буэнос-Айресе историю о том, как он приобрёл североамериканские самолёты для правительства Республики в первый период гражданской войны и как ему удалось, с огромными стараниями и трудностями, отправить их из Мексики в Европу через Архангельск. Гордон Ордас в конце своего рассказа заявил, что эти самолёты не прибыли в Испанию: русские задержали их и отправили такое же количество старых машин»¹².

После двух месяцев колебаний, Сталин всё-таки решил вмешаться, более или менее скрытно, в Гражданскую войну на стороне республиканцев. Однако он не предпринимал никаких действий, чтобы помочь Республике, пока не убедился, что получит большую часть её золотого запаса, в то время одного из самых крупных в мире.

Сталинистская история Гражданской войны отмечает:

“ «Что касается Банка Испании... то он на практике был преобразован в орган, управляемый и контролируемый Министерством финансов Республики. Правительство, таким образом, могло поставить золото, хранившееся в Банке, на службу войне, на службу высшим национальным интересам Испании»¹³.

Авторы доказывают, цитируя мемуары нескольких членов правительства Ларго Кабальеро (но не давая никаких комментариев от себя), что золото Испанской республики передали Советскому Союзу для того, чтобы оно не попало в руки Франко¹⁴.

Индалесио Прието писал, что во время этой операции первая партия испанского золота, отправленная в Одессу, включала 13 тысяч ящиков, «весивших восемьсот пятьдесят одну с половиной тонну – круглое число, если не считать тары... Остальные триста сорок с половиной тонн были разделены на две равные партии: первая, ещё до одесской, была отправлена в Марсель, а вторая, намного позже, в Барселону. Эти суммы, вместе с депозитом в Мон-де-Марсане – депозитом, захваченным Франко, – который был размещён в 1931 г., чтобы покрыть кредит Банка Франции Банку Испании, представляли собой все золотые резервы последнего»¹⁵. Жозеп Мария Брикаль подсчитал, что в Советском Союзе было «депонировано» золото на сумму 1 592 млн песет, из общей суммы золотого запаса 2 202 млн песет в начале Гражданской войны¹⁶.

Так или иначе, вследствие полной зависимости Республики от Советского Союза в плане вооружений, в частности самолётов, танков и другой военной техники, советские

дипломаты, военные, сотрудники госбезопасности и другие официальные лица, а также представители Коммунистического Интернационала, подчинявшиеся руководству ВКП(б) и советскому правительству, смогли приобрести огромное влияние на испанское республиканское правительство, особенно после отстранения премьер-министра Франсиско Ларго Кабальеро и назначения на его место попутчика коммунистов в Социалистической партии Хуана Негрина, после Майских дней 1937 г. в Каталонии.

Стремление сталинистов к абсолютной власти

Хосе Бульехос, некогда бывший генеральным секретарём испанской Коммунистической партии, так оценивал её роль во время Гражданской войны:

“ «Действия Коммунистической партии были направлены на то, чтобы установить её полную гегемонию в правительстве и республиканской армии; в отношениях с Социалистической партией она стремилась к её поглощению, вдохновляясь недавним завоеванием “Социалистической молодёжи”. Ларго Кабальеро и его друзья, прежде чем объединиться с коммунистами, отреагировали на их манёвр, и в этот момент началась ожесточённая борьба между социалистами и анархистами с одной стороны и коммунистами с другой, борьба, которая, набирая обороты с каждым днём, продолжалась в течение всей войны»¹⁷.

Конечно, сталинисты рассматривали анархистов как главное препятствие на пути к завоеванию власти в Республике. Это недвусмысленно обозначил Пальмиро Тольятти, важнейший представитель Коминтерна в Испании во время Гражданской войны:

“ «Идеология и практика этих анархо-синдикалистских организаций часто мешала принципам пролетарской организации и пролетарской дисциплины проникнуть в ряды рабочего класса.

Испанский анархизм является исключительным явлением, отражением экономической отсталости страны, отсталости её политической структуры, разъединённости её пролетариата, существования многочисленной группы деклассированных элементов и, наконец, специфического партикуляризма – всех отличительных признаков стран с сильными пережитками феодализма. В настоящее время, когда испанский народ прилагает все силы, чтобы отразить яростное нападение зверского фашизма, когда рабочие-анархисты храбро сражаются на фронтах, есть немало людей, которые, прикрываясь принципами анархизма, подрывают солидарность и единство Народного фронта несвоевременными проектами обязательной “коллективизации”, “отмены денег”, пропагандой “организованной недисциплинированности” и

Безусловно, намерениям сталинистов способствовало то, что Бернетт Боллотен назвал «попустительством, беспечной доверчивостью и глупостью других». Он процитировал в связи с этим статью военачальника Валентина Гонсалеса (Эль Кампесино), опубликованную в анархическом эмигрантском издании после его выхода из рядов коммунистов:

“ «За немногими исключениями, особенно в начале войны, сколько было испанских политиков и военных, которые не приветствовали коммунистических агентов с распростёртыми объятиями и отказывались играть в их игру? Я-то, по крайней мере, был убеждённым коммунистом, и моя позиция имела определённую логику; но какая логика была в позиции, занятой остальными? Без этого непонимания и соучастия, которое было почти всеобщим, было ли бы возможно для партии столь малочисленной, как Коммунистическая партия, за несколько месяцев наводнить – и едва ли не подчинить – весь государственный аппарат?..»19

Джеральд Бренан дал хорошую картину неустанного стремления коммунистов к власти внутри Республики и его последствий:

“ «Они пострадали из-за непоколебимой веры в превосходство их собственных знаний и способностей. Они были неспособны на рациональное обсуждение. Каждой порой они источали жёсткий тоталитарный дух. Их жажда власти была ненасытной, и они были совершенно беззастенчивыми. Для них выиграть войну означало выиграть её для Коммунистической партии, и они всегда были готовы пожертвовать военным преимуществом, чтобы не позволить какой-либо соперничающей партии на их стороне усилить свои позиции. Так, они оставили Арагонский фронт безоружным, чтобы досадить анархистам, и не позволили провести весьма многообещающее наступление в Эстремадуре, потому что в случае его успеха слава могла достаться Кабальеро...

Но возможно, ещё более серьёзным, чем это, в конечном счёте было отсутствие у них моральной или политической целостности. Их оппортунизм распространялся на всё. Казалось, в их программе не было ничего, что нельзя было бы перевернуть, если это сулило им какое-либо преимущество, и они готовы были точно так же использовать средний класс против пролетариата, как и пролетариат против среднего класса... В итоге, они не только с неодобрением относились даже к таким сельским и промышленным коллективам, которые возникли стихийно, не только наводнили страну полицией, которая, подобно русской ОГПУ, получала приказы не столько от Министерства внутренних дел, сколько от своей партии, но и своими бесконечными интригами и махинациями иссушили живую ткань партий Народного фронта и двух крупнейших профсоюзных организаций, от прочности и солидарности которых зависела мораль республиканских

Очевидно, что анархисты стали жертвами этого оппортунизма сталинистов. По словам Хосе Пейратса, «благодаря своим ловким манёврам коммунисты постоянно брали верх над неумелым оппортунизмом анархистов, которые лишь недавно занялись хитросплетениями политки»²¹.

Конечно, во время Гражданской войны и в дальнейшем сталинисты и их попутчики категорически отрицали, что они стремились полностью захватить власть в Республике. Типичные образцы их аргументации можно найти в работах Луиса Фишера, который во время войны был зарубежным корреспондентом «The Nation» и близким союзником коммунистов, хотя впоследствии он обратился против них.

В брошюре, опубликованной в 1937 г., Фишер писал о советском вмешательстве в Гражданскую войну:

“ «...Большевики не верят в то, что революцию можно экспортировать. Они настаивают, что необходимость революции вызревает на национальной почве. Они убеждены, что в конечном счёте Испания станет коммунистической. Но они не хотят вмешиваться во внутренние испанские дела, потому что они знают, какое глубокое негодование вызвало бы это у испанцев...»²²

В отношении испанских же коммунистов Фишер писал:

“ «Лозунг демократии означает, что у коммунистов нет никакого желания установить в Испании диктатуру одной партии, как в России. Коммунисты не хотят подавлять анархистов, социалистов, левых республиканцев или любую другую антифашистскую группу...»²³

Это было написано уже после того, как они добились объявления вне закона и преследования ПОУМ.

Однако, возможно неволью (а возможно нет), сталинистская история Гражданской войны, опубликованная через 30 лет после начала конфликта, приоткрыла истинные намерения испанских коммунистов и их советских хозяев, которым препятствовали анархисты: «И если эти положения анархистов противоречили нуждам антифашистской войны, то не в меньшей степени они противоречили и развитию революции, консолидации в Испании народной демократии»²⁴. В 1966 г., и в течение предыдущих 20 лет, «народная демократия» была любимым определением коммунистов, которое использовалось для описания режимов, установленных Сталиным в Восточной Европе после Второй мировой войны.

Даже во время самой Гражданской войны лидеры испанских коммунистов делали заявления, указывавшие на цели их стремления к власти. Вскоре после формирования правительства Негрина коммунист Хесус Эрнандес, министр образования, заявил на

митинге в Барселоне:

“ «Кто не принимает наших лозунгов, тот агент фашизма и контрреволюционер». Ла Пасионария, со своей стороны, примерно в это же время обещала «разоблачать, безо всяких колебаний и сентиментальности, всех, кто, по нашему мнению, испытывает подозрительное недовольство нашим режимом...»²⁵

Отношения между испанскими коммунистами и сталинским руководством

Во время Гражданской войны в Испании было четыре основных сталинистских организации. Первой была Коммунистическая партия Испании (КПИ), которая действовала на всей лоялистской территории, кроме Каталонии и Страны Басков. Второй была Объединённая социалистическая партия Каталонии (ОСПК), которая была сформирована в этом регионе через несколько дней после начала войны, путём объединения каталонских отделений Коммунистической и Социалистической партий и двух небольших региональных организаций. И КПИ, и ОСПК входили в состав Коммунистического Интернационала. Третьей была Коммунистическая партия Страны Басков, которая, очевидно, имела организацию, формально независимую от КПИ²⁶.

Четвёртой организацией сталинистов, пользовавшейся значительным влиянием, была «Объединённая социалистическая молодёжь» (ОСМ), которая была создана в апреле 1936 г. путём объединения Федерации социалистической молодёжи (до того находившейся под влиянием фракции Социалистической партии, возглавлявшейся Франсиско Ларго Кабальеро) и Союза коммунистической молодёжи. После своего создания ОСМ присоединилась к Коммунистическому интернационалу молодёжи, и до окончания войны большинство её высших руководителей (хотя далеко не все региональные и местные) вступили в КПИ.

Испанские коммунисты издавна следовали указаниям Москвы. Благодаря непосредственному вмешательству одного из секретарей раннего Коминтерна, швейцарца Жюля Эмбер-Дро, произошло объединение двух разных коммунистических партий, которые первоначально были сформированы в Испании. Впоследствии, в начале 1930-х гг., он стал постоянным представителем Коминтерна в Испании²⁷.

Коминтерн по крайней мере дважды требовал сменить руководство Коммунистической партии Испании. Группа, возглавлявшая партию к моменту начала Гражданской войны, – в которую входили Хосе Диас (генеральный секретарь), Хесус Эрнандес, Висенте Урибе, Долорес Ибаррури (во время войны ставшая известной как «Ла Пасионария») и прочие –

была выдвинута Коминтерном²⁸.

К началу Гражданской войны постоянным представителем Коминтерна в Испании являлся италоаргентинец Викторио Кодовилья, долгое время бывший генеральным секретарём Коммунистической партии Аргентины. Энрике Кастро Дельгадо, один из главных коммунистических военачальников во время войны, отмечал фактическую роль Кодовильи в руководстве партии: «Политическое бюро заседало за большим прямоугольным столом. Во главе Хосе Диас, далее остальные члены Политбюро. И напротив них – Кодовилья, действительный глава Партии в качестве делегата Коммунистического Интернационала»²⁹.

К Кодовилье вскоре присоединились остальные: Борис Степанов, которого называли то болгарин, то русским и который в действительности носил имя Стоян Минев; венгр Эрнё Герё, курировавший Объединённую социалистическую партию Каталонии; и Франц Далем, член Центрального комитета Коммунистической партии Германии, который с декабря 1936 г. входил в политическую комиссию, руководившую интернациональными бригадами³⁰.

Пальмиро Тольятти, в то время и до самой своей смерти возглавлявший Коммунистическую партию Италии, являлся главным коминтерновским «советником» испанских коммунистов во время Гражданской войны. Бернетт Боллотен говорит, что, сменив Кодовилью, «он стал фактическим главой партии, вырабатывавшим стратегию и писавшим многие речи Хосе Диаса и Ла Пасионарии. Действуя под псевдонимами Эрколе Эрколи и Альфредо, Тольятти оставался в Испании вместе со Степановым до конца Гражданской войны».

Боллотен также процитировал Джона Гейтса, коммуниста из США и главного комиссара XV Интернациональной бригады, который говорил, что «Тольятти был самой влиятельной фигурой коммунистов в Испании. Вся политика испанских коммунистов находилась под его ответственностью...»³¹

Среди тех, кто писал о деятельности Тольятти в Испании, имеются разногласия по поводу того, когда он туда прибыл. Как мы увидим с одной из следующих глав, Хесус Эрнандес, член испанского Политбюро, много лет спустя рассказывал об участии Тольятти в заседаниях Политбюро весной 1937 г., на которых была предreshена отставка премьер-министра Ларго Кабальеро. С другой стороны, Паоло Сприано, редактор книги, в которой были собраны сообщения Тольятти Коминтерну, писал, что он прибыл в Испанию «в конце июля 1937 г.»³².

Кажется маловероятным, чтобы Эрнандес не знал Тольятти и не знал, когда последний присутствовал на заседаниях Политбюро. Но верно и то, что первый из отчётов Тольятти, опубликованных синьором Сприано, очевидно, был написан в Париже в начале июля 1937 г., а первый, непосредственно затрагивающий испанские дела, датирован 30 августа. Единственное разумное объяснение, которое можно предложить: Тольятти находился здесь не позднее первых месяцев 1937 г., выехал для участия в совещании по испанскому вопросу между представителями Коммунистического Интернационала и Социалистического Рабочего Интернационала, о котором он сообщает в своём меморандуме Коминтерну от 8 июля 1937 г., и затем вернулся в Испанию, где пробыл значительную часть оставшегося периода войны.

В своих докладах Коминтерну Тольятти часто критиковал других коминтерновских представителей в Испании. Кодовилья, Герё, Степанов и Далем – все они в то или иное время давали Тольятти поводы для жалоб³³.

Прямое советское вмешательство в дела лоялистской Испании

Однако делегаты Коминтерна были не единственными представителями сталинского режима, которым подчинялись «лидеры» Коммунистической партии Испании. Более широкий перечень советников, к которым они должны были прислушиваться, приводится Хесусом Эрнандесом, тогда министром образования в правительстве Ларго Кабальеро, в описании заседания Политбюро КПИ в марте 1937 г.: «Присутствовали все делегаты от Москвы: Степанов, Кодовилья, Герё, Тольятти, Марти – в роли организатора интернациональных бригад – и, первый раз, также Орлов из ГПУ и Гайкинс [Гайкис], советник советского посольства»³⁴.

Но не одни коммунисты получали указания от представителей сталинского режима в Испании. Советский посол Марсель Розенберг и генконсул в Барселоне Владимир Антонов-Овсеенко в первый год войны неоднократно, в частном порядке, а иногда даже публично, указывали, какой политике должны были следовать правительства, при которых они были аккредитованы, и какие действия им следовало предпринимать. Премьер-министр Ларго Кабальеро однажды был настолько возмущён этим, что буквально выставил посла Розенберга из своего кабинета.

Было два других вида открытого вмешательства советских должностных лиц, при котором они действовали совершенно независимо от испанских властей. Мы видели в первых частях этой книги, что советские офицеры осуществляли широкие командные функции в Народной армии, не обладая формальным правом на это; что советские военные отвечали за распределение оружия и военных материалов, прибывавших из СССР, поддерживая при этом части, контролируемые коммунистами, и не обеспечивая в достаточной мере части, находившиеся под командованием их противников.

Кроме того, всё более масштабным становилось вмешательство советской секретной полиции – ГПУ^{34а}. Вальтер Кривицкий писал, что, когда в начале сентября 1936 г. Сталин решил отправить в Испанскую республику оружие и продовольствие, он одновременно приказал Ягоде, главе ГПУ, создать агентуру в Испании. На совещании 14 сентября в штаб-квартире ГПУ на Лубянке было объявлено, что это задание поручено Александру Орлову.

Кривицкий говорит:

“ «Это совещание на Лубянке также передало советской секретной полиции руководство действиями Коминтерна в Испании. Было решено “координировать” работу Коммунистической партии Испании с работой

Кривицкий прокомментировал действия ГПУ в Испании. Он говорит, что в самом начале 1937 г. «с неумолимой серьёзностью была начата работа по сталинизации Испании. Отвечало за неё ОГПУ... Были арестованы тысячи человек, включая многих иностранных добровольцев, которые приехали сражаться с Франко. Любая критика методов, любой нелестный отзыв о сталинской диктатуре в России, любая связь с людьми еретических политических взглядов – становились предательством. ОГПУ применяло все известные в Москве методы выбивания признаний и массовых казней...»36

Цели Сталина в Испании

Хотя очевидно, что Сталин, прямо и косвенно, играл важную роль во внутренней политике Испанской республики во время Гражданской войны, знание этого факта ещё не даёт нам ответа на вопрос о том, к чему он стремился в данной роли. Сейчас, спустя 60 лет после описываемых событий, вероятно, не осталось никого, кто мог бы ответить на этот вопрос с уверенностью. Однако поведение Советов по отношению к Республике, как и поведение испанских сталинистов, позволяет сделать некоторые предположения.

Я думаю, для начала мы можем принять заключение Хесуса Эрнандеса, вынесенное им после ухода из рядов сталинистов: «В испанской войне Москва играла за Москву. Ни больше ни меньше. Дело нашего народа было для них всего лишь пешкой на игровой доске их расчётов. Если бы можно было выиграть игру благодаря нашей победе, они не раздумывая направили бы нас к победе... Не было ни ненависти, ни симпатии к испанскому народу, ни сентиментальности, ни принципов, ни сомнений. Для Сталина все эти слова не имели никакого значения или содержания»37.

Вальтер Кривицкий выразил своё понимание того, чего пытался достичь в Испании Сталин:

“ «После начала мятежа Франко Сталин обратил свой взор на Испанию. Он торопился не спеша, как всегда. Прошёл период осторожного выжидания, тайного зондирования. Сталин хотел вначале убедиться, что у Франко не будет быстрой и лёгкой победы. После этого он вмешался в войну в Испании...

Его идеей было – и об этом знали все мы, кто служил ему, – включить Испанию в сферу влияния Кремля. Господство над ней укрепило бы его связи с Парижем и Лондоном и тем самым усилило бы, с другой стороны, его позицию на переговорах с Берлином. Если бы он стал хозяином испанского правительства – имеющего жизненно важное стратегическое значение для Франции и Великобритании, – он получил бы то, к чему стремился. Он стал бы силой, с которой считаются, желанным союзником...»38

Испанский историк Сальвадор де Мадарьяга, который во время Гражданской войны придерживался «нейтральной» позиции, в целом согласен с анализом Кривицкого. Он пишет, что целью Сталина было «приобрести, в обмен на свою помощь, аванпост на Западе для защиты от угроз, которые, разрастаясь, маячили на европейском горизонте». И для этого:

“ «Следовательно, Сталину было необходимо выиграть время, чтобы обеспечить дальнейшее развитие Испанской революции, что для него могло означать только одно – постепенное пожирание всех других голов гидры ортодоксальной коммунистической головой. Тем временем он подготовился бы и к надвигающейся войне, если таковая должна была начаться, и к переговорам с Гитлером, которые позволили бы ему либо раз и навсегда предотвратить советско-германскую войну, либо выиграть ещё больше времени для своих танков и самолётов. Применительно к Испании, это означало затягивать испанскую войну насколько возможно, одновременно усиливая здесь свои позиции, пока продолжается война. Первое добавляло ему времени для переговоров с Гитлером; второе увеличивало его вес на переговорах»³⁹.

Кривицкий подчёркивал осторожность Сталина в испанской ситуации:

“ «Сталин, в отличие от Муссолини, избегал в Испании рискованных действий. Не собираясь выставлять напоказ своё вмешательство, он скромно преуменьшал, а вначале даже совсем скрывал его. Советское вмешательство в определённые моменты могло бы оказаться решающим, если бы Сталин на стороне республиканцев рисковал так же, как рисковал Муссолини на стороне Франко. Но Сталин не шёл на риск. Прежде чем что-либо предпринимать, он удостоверился, что в Банке Испании есть достаточно золота, чтобы с лихвой покрыть стоимость его материальной помощи. Он избегал любой возможности вовлечения Советского Союза в большую войну. Он осуществлял вмешательство под лозунгом: “Держись вне зоны артобстрела!” Этот лозунг был и оставался для нас руководящим в течение всей испанской операции»⁴⁰.

Кривицкий также обратил внимание на контекст, в котором Сталин рассматривал Гражданскую войну в Испании:

“ «Сталин утверждал, что старая Испания ушла и новая Испания не может оставаться в одиночестве. Она должна присоединиться либо к лагерю Италии и Германии, либо к лагерю их противников. Сталин говорил, что ни Франция, ни Великобритания не допустят, чтобы Испания, в руках которой находился вход в Средиземноморье, контролировалась Римом и Берлином. Дружественная Испания была жизненно необходима для Парижа и Лондона. Не вмешиваясь открыто, но ловко используя своё положение военного

поставщика, Сталин считал, что сможет создать в Испании подконтрольный ему режим. Сделав это, он смог бы внушить уважение Франции и Англии, добиться от них предложения о реальном союзе и либо принять его, либо, используя его в качестве козырной карты, достичь своей скрытой долгосрочной цели – соглашения с Германией»⁴¹.

Советский историк Рой Медведев в основном подтверждает выводы Кривицкого:

“ «Явное равнодушие Сталина к судьбе и нуждам испанской революции нужно связать в первую очередь с внутренними событиями в СССР. Сталин был слишком “занят” в 1937–1938 гг. организацией массовых репрессий в нашей стране. Именно в это время в Советском Союзе был значительно расширен аппарат НКВД, и миллионы людей оказались в тюрьмах и лагерях. Но можно предположить, что Сталин и не хотел втягиваться в испанские дела, он не хотел победы испанского народа над фашизмом, достигнутой при максимальной поддержке Советского Союза, так как это затруднило бы впоследствии соглашения с фашистской Германией, мысль о которых могла зародиться у Сталина ещё задолго до 1939 г.»⁴².

Бернетт Боллотен подчёркивает, что для достижения целей, поставленных Сталиным, было необходимо принижать и даже отрицать революцию, которая началась после подавления июльского мятежа военных на большей части Испании. Было необходимо свести Гражданскую войну в Испании к борьбе между «демократией» с одной стороны и «фашизмом» с другой. Признание каких бы то ни было революционных трансформаций в испанской республиканской экономике, произошедших после начала Гражданской войны, оттолкнуло бы влиятельные экономические круги Франции, Великобритании и других демократических стран, которые продолжали бы поддерживать политику «невмешательства», что на практике означало эмбарго на поставки оружия Республике⁴³.

Виктор Альба предполагает, что отношение Сталина к Гражданской войне в Испании менялось по мере того, как победа Франко становилась всё более очевидной: «После Мюнхенской конференции Сталин хотел провести переговоры с Гитлером. Он считал, что отказ от Испании будет воспринят в Берлине как доказательство добрых намерений. В результате русские военные советники навязали сражение на Эбро, которое за два месяца поглотило 70 000 солдат Республики и все материальные резервы правительства»⁴⁴.

Антиреволюционная политика испанских сталинистов

Испанские сталинисты – члены Коммунистической партии, каталонские социалисты и «Объединённая социалистическая молодежь» – с самого начала Гражданской войны придерживались политики, целью которой было ослабить и, если возможно, убить революцию, развернувшуюся после подавления военного путча 19 июля 1936 г.

Нигде об этом не говорилось более явно, чем в сообщении о мартовском пленуме КПИ 1937 г., опубликованном в англоязычном бюллетене ОСПК:

“ «Народный фронт был той силой, которая сокрушила фашистский мятеж... Поэтому Коммунистическая партия Испании и Объединённая социалистическая партия Каталонии признали, что Испанская республика, и только она, должна быть правительством, в котором представлены все силы, борющиеся против фашизма. Борьба может закончиться лишь со становлением нового вида демократического и парламентского правительства с высокой социальной сознательностью, где реакция и фашизм должны быть окончательно повержены. Не отказываясь от своей программы социализации, Партия заняла позицию энергичного и серьёзного сопротивления всем скороспелым начинаниям псевдореволюционеров...»⁴⁵

Хуан Коморера в своём выступлении на том же пленуме отмечал:

“ «Ещё до того, как посыпались советы от некоторых людей, идеей которых было осуществить революцию прежде всего остального, Объединённая социалистическая партия Каталонии с самого своего основания заявляла, что важнейшей задачей является победа в войне. Спустя семь месяцев мы начинаем исправлять грубые ошибки, допущенные нами»⁴⁶.

Эта политика испанских сталинистов имела по крайней мере две причины. Прежде всего, антиреволюционная позиция коммунистов полностью соответствовала стратегии самого Сталина в испанской Гражданской войне. Но у испанских сталинистов определённо имелись и иные мотивы. Правда заключалась в том, что они не играли практически никакой роли в революции, которая началась вместе с войной. Эта революция по большей части была делом рабочих и крестьянских союзов, на которые сталинисты в начале конфликта имели мало влияния. НКТ была всецело анархо-синдикалистской, и коммунистам не удавалось в неё проникнуть.

Всеобщий союз трудящихся почти повсеместно контролировался фракцией Ларго Кабальеро из Социалистической партии, и хотя коммунисты не так давно распустили свою профсоюзную конфедерацию и позволили её организациям влиться в ВСТ, к началу войны они не добились больших успехов в распространении своего влияния в нём.

Поэтому в ситуации, когда они не могли контролировать революцию, они были решительно настроены против неё. Ещё в 1930 г. Дмитрий Мануильский, тогда глава Коминтерна, предвосхищал эту позицию своих испанских товарищей. Он говорил, что «частная стачка (в любой стране) имела бы для международного рабочего класса бóльшую важность, чем такая “революция” в испанском стиле, осуществлённая без Коммунистической партии и пролетариата, выполняющих руководящую функцию»⁴⁷.

Ясно, что в представлении сталинистов целью революции было установление «диктатуры пролетариата», то есть диктатуры Коммунистической партии. Конечно, это была отнюдь не

та революция, что происходила после 19 июля 1936 г.

Коминтерн рано обозначил свою оппозицию по отношению к революции в лоялистской Испании. Согласно Э. Х. Карру, его Исполнительный комитет 19 октября 1936 г. выпустил заявление, «осуждавшее “манию” искусственных проектов, тенденций по “созданию нового общества”, которые угрожали разрушить Народный фронт»⁴⁸.

Коммунисты, как им было положено, обосновали свою позицию с теоретической точки зрения. Вероятно, наиболее авторитетно это сделал Пальмиро Тольятти:

“ «Испанский народ решает задачи буржуазно-демократической революции... Это означает, что, в интересах экономического и политического развития страны, аграрный вопрос должен быть решён путём упразднения феодальных отношений, преобладающих в сельской местности. Это означает, что крестьяне, рабочие и трудящееся население в целом должны быть освобождены от невыносимого гнёта устаревшей экономической и административной системы. Это означает, что привилегии аристократии, церкви и религиозных орденов должны быть отменены и безграничное господство реакционных каст должно быть сломлено.

Испанский народ в новых условиях решает задачи буржуазно-демократической революции, которая соответствует исконным интересам широких народных масс. Во-первых, он решает их в обстановке гражданской войны, развязанной мятежниками. Во-вторых, он вынужден в интересах вооружённой борьбы против фашизма конфисковать собственность помещиков и капиталистов, участвующих в мятеже... В-третьих, он имеет возможность использовать исторический опыт русского пролетариата, который завершил буржуазно-демократическую революцию после того, как завоевал власть, и ради великой пролетарской революции блестяще осуществил, “попутно”, те самые цели, которые составляют основное содержание испанской революции на её нынешнем историческом этапе. Наконец, испанский рабочий класс стремится занять ведущую роль в революции, чтобы пролетарский характер запечатлелся в размахе её преобразований и формах её борьбы»⁴⁹.

Сталинистская оппозиция революции принимала разные формы. Одной из них было отрицание революции как таковой. Франц Боркенау столкнулся с этим во время своей первой поездки по республиканской территории в августе 1936 г.:

“ «Ответственные члены ОСПК выражают мнение, что в Испании нет никакой революции, и эти люди (с которыми у меня была довольно продолжительная дискуссия) не старые каталонские социалисты, как вы могли бы предположить, а иностранные коммунисты. Испания, говорят они, столкнулась с уникальной ситуацией: правительство сражается против собственной армии. Для меня удивительно, что коммунисты, которые по

всему миру пятнадцать лет находили революционные ситуации там, где их не было, и причинили этим немало вреда, не признают революцию теперь, когда, впервые в Европе после русской революции 1917 года, она действительно происходит»⁵⁰.

Уже 29 июля 1936 г. Долорес Ибаррури утверждала:

“ «Наша страна сейчас проходит стадию демократически-буржуазной революции». Она добавляла: «Эта борьба есть демократическая революция, которая в других странах, таких как Франция, была совершена более века назад»⁵¹.

Типичным для позиции испанских сталинистов в то время является обращение, сделанное от их имени Французской коммунистической партией: «Центральный комитет Коммунистической партии Испании просил нас сообщить широкой общественности, в ответ на пристрастные и фантастические сообщения некоторых изданий, что испанский народ в своей борьбе против мятежников не стремится к установлению диктатуры пролетариата и имеет лишь одну цель: защита республиканского порядка и уважение к собственности»⁵².

В марте 1937 г. Хосе Диас, генеральный секретарь КПИ, заявил:

“ «Мы сражаемся за демократическую Республику, за демократическую и парламентскую республику нового типа и глубоко социального характера...»⁵³

Атаки на революцию предпринимались сталинистами и с другой стороны: они выступали за национализацию предприятий вместо их коллективизации рабочими. Согласно Бернетту Боллотену:

“ «Коммунисты знали, что государственный капитализм или национализация в конечном счёте позволят центральной власти не только организовать производство в антифранкистском лагере в соответствии с нуждами войны, не только контролировать распределение продукции и военных материалов, которые часто передавались профсоюзами местным жителям или их собственным частям милиции, но и ослабить левое крыло революции, лишив его одного из основных источников его силы. Конечно, они не признавали политический мотив своего требования национализации открыто и выдвигали для этого только военные и экономические основания»⁵⁴.

Характерные аргументы коммунистов приводились в заявлении Хосе Диаса в марте 1937 г. Он говорил о «преждевременных экспериментах по коллективизации и социализации», говорил, что «если вначале эти эксперименты оправдывались тем обстоятельством, что крупные промышленники и помещики оставили свои заводы и поместья и было необходимо продолжать производство, то позднее всё стало иначе... Сегодня, когда существует

правительство Народного фронта, в котором представлены все силы, участвующие в борьбе против фашизма, подобные вещи не только нецелесообразны, но и оказывают эффект, противоположный ожидаемому. Сегодня мы должны как можно скорее скоординировать производство и интенсифицировать его под единым руководством, чтобы обеспечить фронт и тыл всем необходимым»⁵⁵.

Коммунистический министр сельского хозяйства Висенте Урибе реализовал стремление коммунистов к национализации на практике, издав знаменитый декрет об аграрной реформе от 7 октября 1936 г. Этот закон провозглашал все земельные владения, принадлежавшие мятежникам, собственностью государства, хотя и предоставлял крестьянам право на пользование землёй, которую они обрабатывали, либо индивидуальное, либо коллективное⁵⁶.

Сталинисты как защитники частной собственности

Главная тактика сталинистов, направленная на прекращение революции, заключалась в том, что они взяли на себя роль основных защитников мелких и средних собственников. Поступая так, они занимали нишу, освободившуюся на начальных этапах Гражданской войны.

Бернетт Боллотен подчеркнул неэффективность республиканских партий, которые были главными выразителями интересов мелкой буржуазии до начала Гражданской войны, после 19 июля: «Не могли они [собственники] обратиться и к либеральным республиканским партиям, таким как “Левые республиканцы”, Республиканский союз и “Левые республиканцы Каталонии”... сильнейшая партия среднего класса в том регионе, поскольку большинство их лидеров либо приспособились к радикализму ситуации, либо впали в инерцию от страха»⁵⁷.

КПИ и ОСПК отреагировали на эту ситуацию. Их позицию выразило обращение, опубликованное в «Рабочем мире», мадридском ежедневнике КПИ:

“ «В капиталистическом обществе мелкие торговцы и промышленники составляют класс, имеющий много общих черт с пролетариатом. Он, разумеется, стоит на стороне демократической Республики и так же настроен против крупных капиталистов и главарей влиятельных фашистских компаний, как и рабочие. Так обстоит дело, и обязанность каждого – уважать собственность этих мелких торговцев и промышленников.

Поэтому мы решительно призываем членов нашей партии и милицию вообще, чтобы они требовали, а если потребуется, то и заставляли проявлять уважение к этим гражданам среднего класса, которые все являются трудящимися и потому не должны подвергаться

нападкам. Их скромные интересы не должны нести ущерба от реквизиций и требований, превосходящих их ограниченные средства»⁵⁸.

Большинство экономических организаций среднего класса исчезли с началом Гражданской войны, и сталинисты поспешили организовать новые. Вскоре после начала войны ОСПК организовала Каталонскую федерацию гильдий и предприятий мелких торговцев и промышленников (*Federación Catalana de Gremios y Entidades de Pequeños Comerciantes e Industriales*), в которую за короткое время вошло 18 тысяч собственников⁵⁹. Эта федерация стала частью каталонского ВСТ, который находился под контролем ОСПК⁶⁰.

В главе 14 мы отмечали инициативу коммунистов по организации землевладельцев Валенсийского региона в новую крестьянскую федерацию. Она заменила собой довоенную крестьянскую организацию, контролировавшуюся правыми партиями, которые после 19 июля поддерживали мятежников, и включила в свой состав большинство членов этой организации.

Позиция сталинистов как защитников мелкой собственности вскоре отразилась и на составе КПИ и ОСПК. Франц Боркенау, повторно посетив Испанию в середине января 1937 г., увидел, что численность КПИ увеличилась с 3 тысяч перед мятежом до 220 тысяч. Однако он отмечал:

“ «С июля коммунисты не отвоевали, ни у анархистов, ни у социалистов, ни одной профсоюзной секции рабочих, ни одного крупного завода, ни одного промышленного района. Зато они завоевали государственные ведомства, союзы частных собственников и значительное число деревень и сельских округов». Боркенау добавлял, что изменений в политической ориентации рабочих, «похоже, произошло очень мало»⁶¹.

Вследствие того, что сталинистские партии быстро расширяли свои ряды, но не могли изменить политическую ориентацию рабочих, по наблюдению Боркенау, «Коммунистическая партия сегодня является, прежде всего, партией военных и административных кадров, во-вторых – партией мелкой буржуазии и некоторых зажиточных слоёв крестьянства, в-третьих – партией служащих (“белых воротничков”) и лишь в последнюю очередь – партией промышленных рабочих. Присоединившись к движению, она не имела практически никакой организации, и в ходе гражданской войны она привлекла к себе те элементы, взглядам и интересам которых отвечала её политика»⁶². Эта ситуация не менялась существенным образом до конца Гражданской войны.

Единственный обнаруженный мной пример, когда сталинистам удалось взять под контроль профсоюз, ранее входивший в НКТ, представляла собой оппозиционная организация НКТ в Сабаделе, в Каталонии. Местная оппозиция осталась в стороне во время воссоединения НКТ на майском конгрессе 1936 г. в Сарагосе. В одном из докладов на этом конгрессе отмечалось, что лидеры сабадельской группы «полностью продались Коммунистической партии и большевизированному ВСТ». В результате «для НКТ была потеряна некогда сильная федерация, насчитывавшая 12 тысяч членов»⁶³.

Пальмиро Тольятти часто сообщал в Москву об отсутствии у испанских коммунистов опоры в рабочем классе и преобладании непролетарских элементов в их собственных рядах. Он, например, признавал, что ОСПК была «по преимуществу мелкобуржуазной»⁶⁴.

В другом месте он отметил, что у КПИ «слаба связь с фабриками»⁶⁵. Он также сообщал своему начальству в Коминтерне:

“ «Нельзя забывать... что связь с массами, особенно во внутренних районах, всегда была одной из слабейших сторон партии»⁶⁶ и что в Мадриде партия была «оторванной от масс, крайне сектантской... с весьма сильной тенденцией к бюрократизации»⁶⁷. Наконец, Тольятти отмечал, что, в противоположность Социалистической партии, исполком которой в большинстве своём состоял из профсоюзных активистов, в политбюро КПИ не было профсоюзных работников⁶⁸.

Особенно в этом отношении Тольятти критиковал руководство ОСПК. Он осуждал отказ этой партии бороться против легальных сельских синдикатов, которые должны были обладать монополией на продажу выращенных крестьянами продуктов и которые, по его утверждению, наживались на этих продуктах за счёт крестьян: «Многие местные руководители партии, бывшие члены реакционных организаций, спекулировали, как и все остальные. Так же поступали и в руководстве»⁶⁹.

Говоря о ситуации на республиканской территории в центральной Испании, оставшейся после захвата Каталонии силами Франко, Тольятти отмечал, что «гонения» на коммунистов «подпитывались снизу вспышкой ненависти к нашей партии и мстительности со стороны кабальеристов, анархистов, провокаторов и прочих». Он вновь подчёркивал слабость партийных «контактов с массами»⁷⁰.

Использование сталинистами силы против революции

Сталинисты с готовностью использовали против революции силу, когда для этого представлялся удобный случай. Их растущее влияние в военной иерархии и реорганизованных полицейских силах Республики, наряду с расширением агентуры ГПУ в лоялистской Испании, открывало для них много возможностей в этом плане.

В предыдущих главах мы рассматривали нападения на сельские коллективы, произведённые весной 1937 г. под руководством сталинистов военными и полицейскими частями в Леванте и Кастилии. Мы также говорили о разгоне коллективов в Арагоне коммунистическими войсками под командованием Листера, одновременно с отстранением от власти Совета Арагона.

Но сталинисты применяли силу против своих противников не только в сельских районах. После Майских дней в Барселоне прошла волна арестов, исчезновений, убийств и даже состоялся большой показательный процесс, организованный с подачи сталинистов. Методы, которые Сталин использовал в ходе Большой чистки в Советском Союзе, в заметной степени были перенесены на республиканскую Испанию и применялись всю оставшуюся часть Гражданской войны. Поумистский лидер Хулиан Горкин писал: «В течение тех полутора лет, которые мне пришлось провести в тюрьмах Мадрида, Валенсии и Барселоны... я столкнулся с тысячами левых социалистов, анархо-синдикалистов из НКТ и ФАИ, поумистов, бывших милиционеров и интербригадовцев. Иначе говоря, это были антифашисты и антисталинисты. В тюрьмах можно было воочию увидеть – лучше, чем на улицах, – хладнокровное убийство испанской революции...»⁷¹

Политическая борьба между сталинистами и их революционными оппонентами

В своём стремлении к абсолютной власти в Испанской республике сталинисты неизбежно должны были встретить сильное сопротивление. Против них выступали анархисты из НКТ-ФАИ, представлявшие собой наиболее многочисленный политический элемент на лоялистской территории; фракция Социалистической партии, возглавляемая Франсиско Ларго Кабальеро; Рабочая партия марксистского единства (ПОУМ), действовавшая в Каталонии, Валенсии и некоторых других местах. Коммунистам противостоял даже значительный сегмент правого крыла Социалистической партии, который если и не относился к революции положительно, то всё же не хотел установления просталинской диктатуры в Республике.

Сталинисты мудро решили в первую очередь атаковать самого слабого противника – ПОУМ. Вначале они развязали против неё яростную кампанию, в результате которой она в декабре 1936 г. была выведена из правительства Каталонии, а затем с ещё большей ожесточённостью продолжили своё наступление, стремясь поставить ПОУМ вне закона – чего им удалось добиться после Майских дней 1937 г. в Барселоне.

Следующей жертвой в борьбе сталинистов за власть стало левое крыло Социалистической партии во главе с Ларго Кабальеро. Вначале он был вынужден оставить должности премьер-министра и военного министра. Далее сталинистам удалось расколоть Всеобщий союз трудящихся и вновь воссоединить его уже под руководством противников Ларго Кабальеро. Сам «Старик» фактически оставался под домашним арестом до окончания Гражданской войны.

Затем пришла очередь Индалесио Прието и его сторонников в рядах Социалистической партии. Хотя он сотрудничал с коммунистами при отстранении Ларго Кабальеро и был за это награждён должностью министра обороны, он пытался ограничить влияние

коммунистов – как испанских, так и советских – в республиканских вооружённых силах, что привело к его уходу из правительства в марте 1938 г. и фактической высылке из страны.

Даже основные регионалистские партии, баскские националисты и каталонские левые республиканцы, были вытеснены из республиканского правительства за несколько месяцев до окончания войны, в результате политики, навязанной сталинистами и их верным слугой, премьер-министром Хуаном Негрином.

Наконец, были анархисты. Они во всех отношениях оставались наиболее серьёзными соперниками сталинистов, и победа над ними оказалась далеко не такой полной, как над ПОУМ, социалистами Ларго Кабальеро и Прието и регионалистами. Открытой конфронтации с анархистами, как с другими антисталинскими группами, не происходило вплоть до последнего месяца войны. Как мы видели в предшествующих главах, анархистам удалось сохранить контроль над значительной частью сельской и городской экономики лоялистской Испании до окончания конфликта. Они продолжали контролировать значимую долю вооружённых сил Республики и оставались силой, с которой приходилось считаться, в политике Республики.

Конечно, в течение 32 месяцев Гражданской войны положение анархистов резко менялось от одного периода к другому. С июля по декабрь 1936 г. они были доминирующей силой в Каталонии, а также в Арагоне, где их преобладание сохранялось и после Майских дней 1937 г. Они разделяли с левыми социалистами власть в Леванте в первый год войны и в Астурии до окончания боевых действий. Они не участвовали во власти в Стране Басков, после создания здесь автономной республики, а в Мадриде их влияние было существенно слабее, чем у сталинистов и их союзников, в течение большей части войны, хотя в некоторых других районах Центра оно было более широким. Кроме того, с ноября 1936 г. по май 1937 г. они входили в республиканское правительство Франсиско Ларго Кабальеро и поддерживали премьера в его борьбе против растущего влияния сталинистов.

С декабря 1936 г. до Майских дней 1937 г. анархисты находились в обороне в Каталонии и подвергались усиливавшимся нападкам сталинистов по всей лоялистской Испании. После Майских дней они были выведены из республиканского и каталонского правительств, а в августе был уничтожен их режим в Арагоне. Можно сказать, что после Майских дней им пришлось вести отчаянную борьбу за сохранение хотя бы минимального влияния в политических делах и упорно защищать свой ослабевающий контроль над экономикой.

Тем не менее можно не сомневаться в том, что борьба между сталинистами и анархистами была важнейшим фактором во внутренней политике Испанской республики в период Гражданской войны. Герберт Мэттьюс, корреспондент «The New York Times» на лоялистской территории во время войны, подтвердил это ещё в августе 1937 г.:

“ «Важно то, что коммунисты здесь ведут мощную пропагандистскую кампанию против анархистов, а анархисты, после трёхмесячного затишья, теперь подают признаки сопротивления. Политическое развитие республиканской Испании можно почти полностью объяснить с точки зрения этого соперничества; даже исход гражданской войны может зависеть от её

Одним из наиболее пагубных – с точки зрения анархистов – последствий длительной борьбы со сталинистами был усиливающийся раскол в самом анархическом движении.

Национальный комитет НКТ по-прежнему был готов идти на одну уступку за другой, очевидно, надеясь сохранить то, что можно было сохранить. Руководство Федерации анархистов Иберии и «Либертарной молодёжи», с другой стороны, к середине 1938 г. считало, что уступок уже достаточно, и призывало всеми силами сопротивляться наступлению коммунистов и премьер-министра Хуана Негрина. В итоге, хотя в рядах либертариев не произошло формального раскола, в последние месяцы войны внутри движения велась жаркая полемика.

Финальное столкновение между сталинистами и анархистами произошло в начале марта 1939 г., когда было свергнуто правительство Негрина и создан Национальный совет обороны. Именно анархические в своей основе войска защищали Совет от нападений коммунистических сил. Анархисты сыграли важную роль в планировании и осуществлении переворота, направленного на смещение Негрина и получившего поддержку практически всех остальных политических групп – социалистов, республиканцев и прочих, – а также многих оставшихся кадровых офицеров, включая генерала Миаху, одно время состоявшего в Коммунистической партии⁷³.

Заключение

Анархисты были важными участниками политических событий в республиканской Испании во время Гражданской войны. На начальном этапе войны они де-факто обладали властью в Каталонии и Арагоне, а в Леванте и Астурии они делили её с социалистами. В этот же период они на местном уровне осуществляли власть и в других регионах Республики.

Решив в первые дни войны не пытаться осуществлять власть самостоятельно, проделав значительную переоценку ценностей, они в итоге решили войти в конституционные правительства на региональном и национальном уровнях. Этот шаг, без сомнения, представлял собой фундаментальный разрыв с основами их философии, но он стал необходимостью в условиях войны и стремления сталинистов к абсолютной власти в Республике. Мы уже рассматривали второй важнейший идейный компромисс, на который они пошли примерно в это же время, – превращение милиционеров в солдат новой регулярной армии.

Анархисты были самым значительным элементом среди тех, кто сопротивлялся продвижению сталинистов к установлению их собственной диктатуры в лоялистской Испании. Хотя действия сталинистов смогли вызвать разногласия в рядах анархистов, им не удалось окончательно сокрушить либертариев. Они продолжали вести арьергардные бои, чтобы защитить свои сельские и городские коллективы, своё (заведомо ограниченное) место в командовании вооружёнными силами и свой голос в национальной политике.

Можно лишь размышлять о том, как подействовал на окончательный исход Гражданской войны этот порыв сталинистов к власти, на отражение которого анархистам пришлось потратить столько сил и времени. Анархический автор Ласарильо де Тормес, писавший в конце 1937 г., так прокомментировал действия правительства Негрина:

“ «Упрямая борьба, которую продолжает это правительство, чтобы удержаться у власти, ущемляет общественное мнение и рабочие организации в их самых насущных интересах; либо оно, с невыносимым равнодушием, позволяет другим организациям, ещё более непопулярным, чем само правительство, поступать так же. Сначала оно противостоит международному мнению при похищении Нина; потом оно отталкивает от себя ВСТ в результате гнусной кампании против Ларго Кабальеро; и наконец, оно вызывает гнев НКТ уничтожением её коллективов и злоупотреблениями, творящимися на свободной территории Арагона. Непосредственным результатом всего этого является растущая враждебность в народе, против которой правительство принимает новые меры защиты, которые увеличивают его непопулярность и недовольство остальных, приводя лишь к порочному кругу... А война? Война... практически забыта в этом нагромождении споров»⁷⁴.

Конечно, жестокие гонения сталинистов на сельские коллективы в Арагоне и их попытки сделать то же в Леванте и Кастилии неизбежно должны были дезориентировать крестьян – не говоря уже о том, что было сорвано выполнение ими задач по обеспечению Республики необходимым продовольствием. Аналогично, постоянные попытки сталинистов уничтожить, правительственными постановлениями, хитростью и иногда силой, городские коллективы, созданные рабочими в первые недели войны, не могли иметь другого результата, кроме снижения энтузиазма членов коллективов по отношению к республиканскому режиму и срыва выполнения экономических задач коллективов.

К концу 1938 г. помощь Республике со стороны Советского Союза – которая считалась главной заслугой сталинистов и которую они если не явно, то намёками угрожали прекратить, если их требования не будут выполняться, – уже почти не оказывалась. Во второй половине 1938 г. советские поставки сократились до тонкой струйки, интернациональные бригады, сформированные Коминтерном, были отозваны, и Испанской республике оставалось надеяться только на собственные ресурсы.

К тому времени Сталин утратил интерес к поддержке испанского республиканского дела. Он шёл к «соглашению» с гитлеровской Германией, которого наконец достиг на третьей неделе августа 1939 г. Однако даже на последнем этапе Гражданской войны, после захвата Каталонии войсками Франко, Сталин, действуя через Коминтерн и Коммунистическую партию Испании, продолжал затягивать эту, к тому времени безнадёжную, борьбу, ожидая, что Испанская республика ещё сможет послужить пешкой в той сложной игре, которую он вёл с Великобританией и Францией, с одной стороны, и Адольфом Гитлером – с другой.